

Андрей Васильевич Попов

Амбал Лешенька

18+

Андрей Васильевич Попов

Амбал Лешенька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935722

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь студентов во время осенней работы в колхозе.
Отношения с местными жителями...

Андрей Попов

Амбал Лешенька

- Куда уходит детство?
- В какие города
- И где найти нам средство,
- Чтоб вновь попасть туда?

Пела за стеной жалостливым голосом Алла Борисовна. Голос, приглушенный межкомнатной перегородкой, постепенно вытаскивал меня из сладкого плена утреннего сна. Я слышал эту песню впервые. Вслушиваясь в слова, я лежал на старой железной кровати в студенческом общежитии, боясь вызвать своим неловким движением скрип растянутых пружин и этим заглушить нежный голос певицы. Лежал и мне, вот прямо до слез, было себя жалко. В этот момент я прямо физически чувствовал, как уходит это самое детство. Может не само детство, но что-то светлое и беззаботное. И будто оно, это что-то, остановилось в дверях, оглянувшись в последний раз, посмотрело в глаза и, чуть кивнув, стало растворяться, оставляя после себя душный запах цветущего лоха** и свежесть прохладной воды с канала. Так всегда пахли мои летние каникулы, которых уже не будет никогда. Я, было, чуть не заплакал во сне, но тут бешено задрезжал будильник...

– Андрей, вставай! Давай быстрее в буфет, ребята проси-

ли занять очередь. Автобус обещали прислать пораньше.

... Учебный год второго курса в нашем институте всегда начинался с поездки в колхоз. Первого сентября мы пришли не на занятия, а уже сразу с рюкзаками и сумками, полностью готовыми к отправке на полевые работы. По традиции нас отправляли в Джанкойский район на уборку винограда. Коротая время в ожидании автобусов, мы затеяли небольшой волейбольный турнир прямо перед входом в родную альма-матер. Пробиваясь в финал соревнования, мы пропустили один автобус за другим, и вот когда, наконец, протрубили победные горны, оказалось, что победители и проигравшие остались одни. Все болельщики и симпатичные болельщицы, из-за которых-то на самом деле и затевалось это волейбольное ристалище, уехали. Одного автобуса не хватило, и нас пообещали отправить на следующий день. Утро следующего дня началось для меня песней про уходящее детство и из-за этого растрепанными чувствами, ведь я буквально накануне вернулся из дома, проведя почти месяц в родном городке. И запах лоха, и журчащая прохлада канала, и танцевальная площадка, на которой я провел весь свой девятый класс, и оставшиеся в городе друзья – все это уже тогда навевало на меня еще непонятную грусть. Прямо как на вокзале, когда поезд трогается, а ты смотришь через вагонное стекло на знакомые лица. Вот они вроде рядом, но на самом деле они уже далеко-далеко. И сегодня вдруг все стало на свое место: детство окончательно ушло, под песню знамени-

той певицы.

Но, долой ностальгию! Возле здания института нас уже ждал старенький колхозный ПАЗик. Поездка на двести километров растянулось почти на целый день, превратившись в целое путешествие с заменой колес и постоянным доливанием воды в перегревавшийся радиатор. Попали мы в нужный колхоз только вечером, когда наши сокурсники уже возвращались с поля на ужин. Жить нас определили в колхозное общежитие, в пяти километрах от центральной усадьбы, в селе Соленое Озеро. Общежитием являлся старый татарский дом, стоящий прямо у железной дороги.

Утром следующего дня мы с удивлением узнали, что руководство колхоза не знает, что с нами делать. Полевые бригады были уже сформированы, под них были закреплены руководители, а самое главное транспорт. И в этот самый транспорт мы уже не помещались. Все разъехались по своим полям, только мы пятеро остались стоять у правления колхоза как неприкаянные. По прошествии некоторого времени поняв, что никому до нас нет никакого дела, мы стали изучать прилегающие окрестности. И тут, из распахнутых настежь ворот какого-то предприятия, нас окликнул представительный мужчина:

– Хлопци, добрый день! Так это вы лишние студенты?

– Ну, да! Мы студенты.

– Я директор консервного завода. Зовут меня Иван Михайлович, можно просто Михалыч. Будете числиться у меня

на заводе. С председателем я уже все обговорил.

Так мы стали работать на консервном заводе, который выпускал консервированные овощи и соки. Отдельный цех выпускал плодово-ягодное вино, так называемую «шипучку». Основную работу мы должны были выполнять на складе готовой продукции, а также иногда нас могли бы использовать в качестве подручных, то есть принеси, подай, поддержи. Руководителем нашим на складе был Алексей, которого все почему-то звали не иначе, как Лёшенькой. То ли завсклад, то ли рабочий. Невысокий, невзрачный молодой мужчина непонятного возраста, при знакомстве, пожал нам руки не всей кистью, а щепотью, еле-еле, словно боясь дотронуться. У него даже борода не росла. Постоянно улыбающееся лицо его было гладким, как у ребенка. Он очень стеснялся нами не только руководить, но даже разговаривать. В первый день мы отгрузили всего двадцать ящиков с трехлитровыми банками томатного сока в какой-то детский садик и выдали в винцех с десятков мешков сахарного песка. При этом нам закрыли норму, то есть мы заработали наравне со всеми, кто работал в поле. Ну прямо не работа, а рай земной. Но, как говорится, все самое интересное было впереди.

Как-то в воскресенье, в свой единственный выходной, когда мы бездельничали в нашем общежитии, к зданию подъехал директор завода. Зайдя в комнату и поздоровавшись, он молча присел на краешек кровати и виновато посмотрел на нашу пятерку.

– Иван Михайлович, что-то случилось?

– Да, случилось, ребятки. Пригнали, понимаешь, вагон на Тюмень. Подали его с опозданием, а простой будут считать, как будто подали вовремя. Спорить с дорогой бесполезно. В общем, у меня вместо восьми часов на погрузку всего четыре. Иначе простой и штраф. Одним словом, неприятности. Нужно грузить, ребята. Местные грузчики в хлам пьяные. Лёшенька на заводе занимается загрузкой машин на этот вагон. Надежда только на вас. Две машины уже возле вагона, так что можно начинать.

– А Лёша, что один занимается погрузкой?

– Та за Лёшеньку, вы не переживайте. – улыбнулся Михайлыч. – Он справится. Для него это мелочи.

– А как же ужин? Мы тогда на него не попадаем.

– Ребята, вы грузите. Ужин я Вам сюда доставлю.

Мы переглянулись. Вагоны, до этого из нас никто не грузил, и как это делается соответственно не знал. Но, делать нечего, и мы согласились. До погрузочной площадки от нашего общежития идти нужно было всего метров сто. В колхозном тупике стояло несколько крытых вагонов. Из одного доносился богатырский храп.

– Видите, как мои грузчики работают. Только одну машину погрузили и уже в драбадан. Этот вагон уже точно пойдет на просрочку. Эх! А вот и ваш вагончик. Все открыто, подметено. Так, где водители?! Подъезжайте помаленьку. Начи-
наем погрузку.

Одна из машин стала сдавать задним ходом, водитель открыл задний борт и подъехал вплотную к вагону.

– Значит так, ребята, берете ящички, ставите их аккуратно в рядок. Вот так. Эти все вдоль вагона, а вот последний разворачиваете поперек. Видите, все плотненько получается, не качается. И так набираете в высоту десять рядов. Больше не нужно, а то будет перегруз. Кстати, за него тоже штраф. Закончите этот ряд, начинаете следующий и так далее, до самого конца. Давайте ребята приступайте, а я поехал за ужином.

Ну мы и начали. Постепенно разогрелись. С каждой новой машиной темп потихоньку стал возрастать. После того как загрузили полвагона мы окончательно поняли нехитрую технологию погрузки. Как брать по два ящика сразу, как идти с грузом и как возвращаться пустому, чтобы не мешать друг другу, как забрасывать ящики на десятый ряд. Потихоньку вагон заполнился, осталось поставить в проеме доски крест-накрест, так называемое «письмо», закрыть двери и опечатать вагон. Директор подошел к нам, улыбаясь во все лицо и потирая руки:

– Ну, орлы! Молодцы! Прямо спасли меня. Вон уже и тепловоз за вагоном идет. Давайте, садитесь ужинать, я сам двери закрою. Потом выдам зарплату.

Мы, тут же на ящиках, поели картошки с котлетами, запили компотом и пошли на склад за деньгами. В темной комнатенке, больше похожей на будку вахтера, нам выдали на

пятерых сорок пять рублей. По девять рублей "на нос". И это за четыре часа! Когда на поле, за весь день нашим сокурсникам, при выполнении плана, платили только шесть рублей. После такого куша, резонно возник вопрос: «А зачем нам без толку болтаться по заводу, если на вагонах мы и зарабатываем больше и польза от нас весомее?».

С этим вопросом мы и пришли на следующий день прямо с утра к директору завода. Михалыч колебался недолго:

– Давайте попробуем с завтрашнего дня. У меня впереди примерно вагонов двадцать на погрузку. Лёшенька вас встретит, порешает с местными, определит вагон и организует все остальное. Договоримся так: если дорога дает вагоны, то вы идете на погрузку, если нет – приезжаете на завод.

На следующее утро мы пришли сразу на погрузочную площадку, на которой уже стояло пару машин с консервами, а маневровый тепловоз заталкивал в колхозный тупик два вагона. Встретил нас Алексей, как всегда с широкой и застенчивой улыбкой. То ли новое место работы, то ли отсутствие руководства, но сегодня его прямо прорвало, он забросал нас вопросами:

– А Вы, правда, студенты? Прямо из института?

– Да. А что?

– А правда в институте на начальников учат?

– Ну в общем да.

– Это и вы скоро станете начальниками?

– Ну тут как кому повезет.

С похожими вопросами он приставал к нам при любой возможности. Постоянно с доброй и со слегка заискивающей улыбкой.

Так началась наша карьера грузчиков. Пока мы входили во вкус профессии и радовались ежедневной довольно таки приличной зарплате, мы не замечали движений, происходящих вокруг нас. Дело в том, что сама погрузка вагона проходила быстро, а вот ожидание, когда придет машина с грузом, занимало достаточно много времени. Бывало, единственную машину для того, чтобы закончить грузить вагон, приходилось иногда ждать целый день. Другое дело, когда вся партия на погрузку была готова. Так через неделю работы мы установили своеобразный колхозный рекорд. В воскресенье, как обычно неожиданно приехал Михалыч и чуть не на коленях попросил нас загрузить внеочередной вагон с томатным соком. За работу в выходной обещал заплатить не по три копейки за ящик, как обычно, а по четыре. Это целых пятьдесят шесть рублей! Желающих оказалось трое. Благо все машины уже стояли в очереди на площадке перед вагоном. Погрузка заняла у нас сорок пять минут! Сорок пять минут работы и почти по двадцать рублей в кармане! Пол стипендии! Это была вершина нашего погрузочного мастерства.

Так я о движениях вокруг погрузки вагонов. Все это время мы грузили только консервы. Вино отдавалось на откуп местным. Была там шарашка из пяти человек. Погрузка про-

исходила так. Первый же ящик с шипучкой ронялся на пол, и вся бригада хором кричали счетчику, наблюдающему за погрузкой: «Бомбаж!». После этого доставалась из кармана не первой свежести марля, ею накрывалось эмалированное ведро. Так как бутылки из-под шампанского достаточно крепкие и сами бились редко, их брали за горлышко и били друг об друга над этой самой марлей. Стекло оставалось в тряпке, вино стекало в ведро. Горлышки, с нетронутыми пробками, обернутыми в золотистую фольгу, сдавались счетчику, как оправдание нормативного боя при загрузке. Шипучку дружно пили кружкой прямо из ведра. Приняв на «старые дрожжи», бригада падала на дно вагона замертво и спала до вечера. Только после того как все проспятся, начиналась сама погрузка. И так каждый день. Директора завода изматывали штрафами за простой. А тут появились студенты, которые не пьют, грузят вагон за сорок минут, и за день, при хорошем раскладе успевают погрузить три! Огромный соблазн для директора отказаться от услуг местных барыг.

Михалыч колебался недолго. Через неделю нам дали первый вагон с вином. Ящик с бутылками из толстого стекла был в разы тяжелее ящика с консервами, но непьющие грузчики в этом деле был самый главный фактор. Местных стали регулярно «прокатывать» на утренней раздаче вагонов. Они пару дней не сопротивлялись, видно было, что выпивать, а потом реально запаниковали и в один из дней они подошли к нам с конкретными вопросами:

– Сколько вагонов в день, вы грузите? И когда отсюда уедите?

После того как местные узнали, что грузим мы по три вагона в день и работать нам еще месяц, они полезли в вагон драться. Навалить троим немолодым дядькам, да еще и регулярно выпивающим, дело было нехитрое. Но у мужиков, особенно местных, скорее всего были более молодые друзья или братья, или, что еще хуже сыновья. Пока пузатые дядьки с кряхтением и матюгами лезли в вагон, а мы прикидывали, что нам с ними делать, будто из-под земли появился Леша.

– Что это вы тут хулиганите? А? К ребятам не приставайте, их сам Михалыч попросил. Вы ж пьете беспробудно, а нам штрафы за вагоны приходят.

Мужиков будто подменили, спрыгнув с вагона они, заикаясь, стали дружно оправдываться:

– Лёшенька, да мы что! Мы ничего! Мы с ребятами знакомились. Мы ни-ни. А Михалычу скажи, что мы завязали с «бомбажом» и попроси для нас вагон на завтра. Будь другом, попроси! Гроши в семье закончились, Лёшенька! А мы отработаем. Ты ж знаешь.

При этом мужики были бледные и руки у них тряслись. Они реально пасовали перед одним человеком с непонятными полномочиями и совсем не геркулесовским телосложением. Этот факт мы как-то все одновременно отметили про себя.

Стараниями наших сокурсников, работающих на полях,

в завод текла настоящая виноградная река под названием «Ркацители», «Рислинг» и «Алиготе». Винный цех начал работать круглосуточно, и через неделю не было дня, чтобы мы не грузили шипучку. Постепенно до нас дошло, что прости был не единственный повод отказаться от услуг местной братвы. Главным поводом было банальное воровство. Мало, что местные выпивали сколько-то там бутылок, они еще и домой тащили. И видно тащили много, потому как после каждого загруженного вагона, нам вместе с зарплатой, Лёшенька стал выдавать пяток бутылок плодово-выгодной газировки. Видно это все помещалось в тот самый процент нормативного боя, в простонародье «бомбажа». И эта шипучка, самым волшебным образом скрашивала наше существование, в татарском общежитии на краю Крыма. Надеюсь

Вы меня понимаете.

В один из обычных дней, мы как водиться грузили какие-то «Помидоры консервированные». Вагон, на сегодня, был один, машины тянулись еле-еле, и мы откровенно скучали.

– Михалыч едет! – крикнул кто-то из наших, увидев пыльный шлейф на дороге.

– Ой, не к добру. Приезд начальника в конце дня и среди недели ...

Газик остановился у склада, Михалыч зашел туда и практически сразу вышел с контролером. Скорым шагом они направились в нашу сторону.

– Сейчас предложат ночью грузить. Точно. Вот увидите. Пригонят пару вагонов и попросят работать сверхурочно.

– Да и пусть. Денег хоть заработаем. Я джинсы хочу купить новые и дипломат.

Подошло начальство.

– Ребята, как дела!

– Михалыч, не томи. Что стряслось?

– Эх. – Михалыч снял кепку и потер намечающуюся лысину. – Сахар ребята. Сахар нужно отправить. Я мужиков с Лёшенькой оставил на вечер и машину им выделил. Они будут грузить на заводе, а вам нужно перегружать в вагон.

Мы как-то не поняли тревогу начальства и поэтому отреагировали спокойно. Надо – значит надо. Михалыч тоже не стал напрягать обстановку, показал нам нужный вагон и указал восвояси. Через какое-то время пришла машина с сахаром. Сахар был в мешках по пятьдесят килограммов. Но тут и крылся фокус. Отгружали его на какую-то кондитерскую фабрику на патоку, потому как на складе сахар подмок. Ну, для всех не секрет, что сахар очень хорошо впитывает воду. Вот и наш сахар тоже видно хорошо впитал. Наш мешок стал весить килограммов под семьдесят! Учитывая наш достаточно юный возраст Вы поймете, что мешок весил как многие из нас. Мы конечно с энтузиазмом бросились в бой. Напрягая все силы, мы смогли разгрузить первую машину. Она уехала за следующей партией, а мы сидели в вагоне, дыша как загнанные лошади и даже говорить не могли. Отдохнув ми-

нут десять, мы с ужасом поняли, что мешки из следующей партии придется забрасывать уже в верхние ряды. Пришла машина.

– Мужики, давайте брать за углы и носить вдвоем. Иначе мы тут помрем. – выразил кто-то мысль, витающую у всех в головах.

– Давайте пробовать.

Стали носить вдвоем. Тоже плохо. Через несколько ходок, кисти рук совсем перестали держать мешок. Он выскальзывал из онемевших от нагрузки пальцев. Стали пробовать вдвоем, забрасывать мешок на плечо третьему. Причем с мешком, третий был уже практически не ходок. Его мало того, что приходилось нагружать, чтобы он не успел упасть по дороге, его толчком ноги направляли в нужную сторону. Он, шатаясь, пробегал шагов десять и сбрасывал с плеч мешок на пол, а еще пара укладывала его в штабель. После того как машина ушла за третьей партией, мы не только разговаривать, мы шевелиться не могли. Третья машина нас укатала окончательно. Мы ее скорее не разгрузили, а растащили, но было понятно, что нам даже до общежития дойти уже будет трудно. Водитель, закрывая борт, с жалостью смотрел на нас и качал головой. Мы с ужасом ждали очередную машину, лежа на полу вагона, и как ее разгружать не было даже мыслей.

С четвертой машиной неожиданно приехал Лёшенька.

– Ребята, ну как Вы тут? Устали маленько? Сейчас я вам помогу.

Он взял мешок за углы. Легко, словно подушку, поднял его на уровень груди и неуловимым движением ввернулся под него. Подбросил, устраивая поудобнее на плече:

– А ну накиньте-ка мне еще мешочек. – повернулся он к нам, улыбаясь.

– Да, ты этот отнеси.

– Давай второй! – рывкнул он неожиданно резко.

Мы, еле поднявшись и собравшись силами, навалили ему второй мешок на другое плечо. Лёшенька, присев на полусогнутых ногах, маленькими шажочками, буквально покатился в вагон. Не доходя до ряда мешков, Лёшенька неуловимо повел плечом в сторону штабеля. Правый мешок с шорохом слетел со спины и гулко ударившись о стенку вагона, занял свое место в верхнем ряду. Удовлетворенно крикнув, Лёшенька двинул другим плечом. Второй мешок гулко улегся на свое место в противоположном углу вагона.

– Отак примерно!

– Лёшенька, да как ты их вот это! А? Они же тяжелые, а ты на вытянутых руках .... – мы не могли членораздельно говорить после этого аттракциона с тяжестями.

– Давай, давай, ребята, наваливай! Щас мы их быстренько раскидаем!

Вчетвером мы стали нагружать Лёшеньку. Забегая в вагон, он делал два неуловимых и одновременно мощных движения плечами, заставляя мешки гулко влетать в штабель. В общем, четвертую машину он разгрузил сам и с ней же

уехал грузить сахар на завод. С пятой машиной он вернулся еще раз и практически в одиночку разгрузил и ее. Вагон был загружен. Мы поставили «письмо», закрутили щеколду проволокой и сдали вагон контролеру. Зарплату получать не пошли. Не было сил и самое главное не было уверенности, что нам вообще что-то причитается.

На следующий день был всего один вагон с томатным соком, но после вчерашнего сахара нас так ломало, что дался он нам очень нелегко. Зарплату нам привез Лёшенька. Выдал полностью и за томатный сок, и за сахар. Мы пытались было поспорить, что, мол, не за что. Но он отмахнулся, сказав, что Михалыч распорядился выдать полностью и передавал, что мы большие молодцы. При этом сам Лёшенька выглядел как обычно, будто не он вчера перетаскал тонн двадцать. Но я подозреваю, что и на заводе машины грузил в основном он один.

– А пойдемте, ребята, я Вас пивом угощу. Привезли в наш ларек свежее пиво. Вкусное, страсть! Михалыч разрешил. Склад на заводе пустой – завтра вагонов не будет.

Против бесплатного пива мы конечно отказаться не смогли, да и неожиданный выходной, учитывая наше состояние, был как нельзя кстати. В любом случае это было лучше, чем валяться на кровати в общежитии.

Возле автобусной остановки стоял достаточно большой павильон колхозной столовой, которая функционировала только в посевную и уборочную, когда в колхоз приезжа-

ли командировочные механизаторы. Вот и сейчас у входа клубились подвыпившие мужики. С трудом протиснувшись сквозь них мы проникли внутрь столовки. Лёшенька отвел нас в угол за пустующий столик, а сам встал в небольшую очередь на раздаче. Надо же так случиться, что, когда подошла его очередь, в столовую стали возвращаться с перекура командировочные. Как на подбор, все они были гренадерского телосложения – комбайнеры, шофёра зерновозов. Будучи уже сильно навеселе, они заняли практически все свободное пространство внутри, громко смеясь и жестикулируя. Лёшенька, получив наше пиво, стал осторожно продвигаться к нашему столику. Мужики, стоящие в этот момент посреди зала, вдруг стали толкаться и один из них, хамовитый, огромный дядька, одетый в полосатый костюм, разворачиваясь, натолкнулся на нашего Лёшеньку.

– Ребята, осторожно! Я ж пролью. – пискнул тот, сосредоточив все свое внимание на кружках.

Мужик обернулся, с удивлением посмотрел на невзрачного оппонента и отвесил ему увесистый подзатыльник:

– Да пошел ты! Путаешься тут под ногами.

В столовой повисла мертвая тишина. Местные мужики, затаив дыхание, прятали глаза. Лёшенька, спасая наши кружки, обернулся на обидчика:

– Ты что хулиганишь? – голос у него сорвался на фальцет.

Кто-то из командировочных громко засмеялся в тишине. Мужик обернулся:

– Тебе мало, недоразумение? Щас еще получишь. – и замахнулся рукой.

Тут Лёшенька сделал ему навстречу два маленьких шажочка и, не выпуская кружек из рук, легонько боднул обидчика плечом. Легонько ... как мешок бросил... В мужика, словно снаряд попал. Стодвадцатикилограммовое тело смело как пушинку. Собирая за собой столы, стулья, а также сидящих за ними посетителей, мужик отлетел в угол столовой и устроил там кучу малу. Лёшенька, не глядя на него вернулся к нашему столу, и поставил пиво на стол. В углу невезучие посетители, чертыхаясь и кряхтя, выкарабкивались из-под механизатора. Местные, понимаясь вздыхая, молча отряхивались, расставляли столы и стулья, посторонние, глядя на них и пряча недовольство, только бурчали потихоньку.

Полежав минут семь, дебошир пришел в себя и стал подниматься на подламывающиеся ноги. Оперся о стену, вытер тыльной стороной ладони пивную пену с лица и, шатаясь, двинулся на выход. Костюм, до этого сидевший на нем с претензией на шик, от страшного удара лопнул по всем швам, белея из них вываливающейся наружу подкладкой. Штанины, рукава, воротник все болталось отдельно друг от друга.

В столовой потихоньку снова все загомонили. Через некоторое время к нашему столику подошла продавщица и поставила на стол трехлитровый, алюминиевый бидончик полный пива. Протирая полотенцем стол, тихонько сказала:

– Спасибо, Вам ребята. Достал уже этот боров всех. Вто-

рой день как приехал, а уже продыху от него нет никакого. Теперь, надеюсь, больше не придет. Ты его не сильно, Лёшенька?

Мы молча тянули пивную горечь, а Лёшенька, словно ничего не произошло, улыбался и пытался выведать у нас, что такое сопромат.

Утром Михалыч, пришел на разгрузочную площадку. Он уже знал про вечернее приключение в пивной. Аккуратно расспросив нас про драку, он признался, что Лёшенька его дальний родственник и вкратце поведал его историю. Алексей был ему каким-то там племянником, так сказать «по тетке Феоне троюродный Спиридон». Рос он без отца. Мать, чтобы прокормиться, сутками работала на ферме. Чтобы парень не попал в плохую компанию, Михалыч взял его на завод. Там и проявилась у Алексея какая-то невероятная сила. Целыми днями он возился на складе с мешками и ящиками. Отгружал, получал, грузил в машины и вагоны, и все это практически в одиночку. После нескольких лет таких тренировок он словно был свит из канатов. Чтобы открыть банку с соком, ему не нужна была открывашка. Он брался рукой за крышку, снимал ее, словно она просто лежала сверху, и сминал пальцами в бесформенный комок. Яблоко или картофелину сжимал в кулаке так, что сквозь пальцы лезло пюре.

В армии Лёшенька не служил. Вернее, его призвали, но тут же очень быстро комиссовали. А произошло вот что. Пока собирали эшелон, Лёшенька с остальными призывника-

ми томился в какой-то части на пересылке. Командовал ими тощий, двухметровый прапорщик. Он бесконечно заставлял вчерашних пацанов маршировать на плацу или стоять «Смирно», щедро сдабривая свои команды криком, оскорблениями и пинками. Любимое же развлечение прапора происходило в столовой. Дождавшись, когда призывники, проглотив первое, приступали к каше, он неожиданно командовал:

– Прием пищи закончить, выходить строится.

Специально подав команду раньше, чем нужно, он ржал, наблюдая как, рассылая куски хлеба по карманам, голодные пацаны доедали на бегу, сбрасывая миски и стаканы на последний стол. После этого, скомандовав построение, он приступал к наказанию опоздавших и проверке карманов. Найдя кусок хлеба, он мог несколько часов измываться над жертвой на плацу, упиваясь своей властью.

После парочки таких обедов Лёшенька понял, что есть нужно только кашу и хлеб. Толку от жидкого, солдатского варева и чая не было никакого. Уже через пару часов есть хотелось невероятно. А каша с хлебом все-таки давала хоть какое-то насыщение. И вот в очередной раз, выбежав по команде из столовой, Лёшенька решил запить кашу водой прямо из-под крана в раковинке. Наклонившись, он припал губами к ржавому железу и стал жадно пить. Вышедший следом прапорщик, увидел тощую задницу призывника и ничуть не задумываясь, просто пнул ее сапогом. Лёшенька со

всего маха насадился открытым ртом на стальной кран. Когда он пришел в себя и поднялся с окровавленного пола, оказалось, что у него порвана губа, пробит язык и выбиты два зуба. А прапорщик стоял и ржал над корчившимся от боли призывником. И ... Лёшенька его ударил... Ну как ударил, больше оттолкнул, как он сам сказал совсем несильно, только чтобы пройти. Прапорщик отлетел к стене, со всего маха ударился об нее и сполз на пол. Ртом пошла кровавая пена ... в себя он так и не пришел и ... умер в машине «Скорой помощи». В больнице констатировали смерть от падения с большой высоты, настолько были повреждены внутренние органы. Про драку они даже не подумали. Все это произошло на глазах почти у всего призыва. Командир части молча посмотрел на строй насупленных лиц, пожевал ус и scomандовал:

– Вольно. Разойдись. Командиру роты и медику зайти в штаб.

Через час Лёшеньку быстро собрали, выдали справку о меднепригодности и отправили с дежурным офицером на вокзал. Армия для него закончилась... Так он вернулся в родной колхоз, на родной уже завод. Но слухи о настоящей причине его комиссования потихоньку дошли и сюда. Местная шпана стала обходить Лёшеньку десятой дорогой.

После этого рассказа все стало на свои места. И настороженность местных и застенчивость Лёшеньки. Вот почему он даже руки никому не пожимал. Просто изображал паль-

цами какое-то подобие рукопожатия, боясь нанести увечье.

... Работа в колхозе вскоре подошла к концу. Нас полностью рассчитали, подвезли на колхозных машинах к железнодорожному вокзалу Джанкоя, и мы с шумом заняли последние два вагона в пригородной электричке. Пока мы с гомоном и дружеской толкотней рассаживались по местам, кто-то воскликнул:

– Смотрите, Лёшенька идет!

И действительно по перрону шел Алексей, заглядывая в вагонные окна. Увидев нас, он улыбнулся своей лучезарной улыбкой и вошел в вагон.

– Лёшенька, привет! Ты как здесь? Едешь куда?

– Та я к Вам. Вот, пивка принес на дорожку. – и Лёшенька протянул нам уже знакомый бидончик с холодным пивом.

– Ух ты! Спасибо!

Бидончик тут же пошел по кругу. Объявили отправление. Мы гурьбой вышли на перрон прощаться.

– Лёшенька, приезжай в Севастополь. Город посмотришь, Херсонес. – на перебой гомонили мы, хлопая его по плечам.

Злобно зашипел воздух, загоняя нас в тамбур.

– Пока, Лёшенька! Приезжай!

Закрылись двери, электричка медленно тронулась в путь. Лёшенька стоял на перроне, улыбаясь своей детской улыбкой и махал нам вслед рукой.

... Через две недели я купил в боновом*** магазине замечательные джинсы «Супер Райфл», потратив на это почти

весь свой «вагонный» заработок, а родители подарили мне маленький дипломат с алюминиевыми вставками. Прямо такой, о каком я мечтал. Джинсы долго поносить не пришлось – их у меня украли через месяц. А вот дипломат жив до сих пор. В нем я храню гаечные ключи и всякие хозяйские мелочи. Выбросить не поднимается рука.

*Амбал – портовый грузчик, носильщик

**Лох – лох серебристый. Кустарник высотой 1—4 м, реже небольшое дерево. Цветет соцветиями с сильным, приторным запахом.

***Боновый магазин – магазин для моряков заграничного плавания, торгующий не за рубли, а за «боны»-чеки.